

А. Б. Иегошуа
ГОСПОДИН
МАНИ

Роман в диалогах

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

אברהם ב. יהושע

מר מאני

*Моему отцу Якову Иегошуа, достойному
мужу иерусалимскому, знатоку истории
своего города, – пусть будет память о нем
благословенна.*

В ДИАЛОГАХ УЧАСТВУЮТ:

ХАГАР ШИЛО, студентка (р. 1962)

Яэль Шило (урожденная Кремер), киббуцница*

(р. 1936)

Эгон Брунер, фельдфебель (р. 1921)

АНДРЕА ЗАУХОН (урожденная Куртмайер), до замужества – сестра милосердия (1870–1944)

СТИВЕН АЙВОР ГУРВИЦ, лейтенант (1896–1973)

МАЙКЛ ВУДХАУЗ, полковник (1877–1941)

ЭФРАИМ ШАПИРО, врач (1870–1944)

ШАЛОМ ШАПИРО, владелец мельниц (1848–1918)

АВРАХАМ МАНИ, торговец (1799–1861)

ФЛОРА ХАДАЙЯ (урожденная Молхо), домохозяйка (1800–1863)

ХАНАНИЯ ШАБТАЙ ХАДАЙЯ, хахам** (1766<?>–1848)

---

* Киббуцница, то есть жительница киббуца (букв., собрание, группа, *ивр.*) – коллективного поселения преимущественно сельского типа, с равным распределением труда и обеспечением материальных нужд его жителей.

** Хахам (букв., мудрец, *ивр.*) – титул раввина, знатока еврейского учения, в основном в восточных общинах.

ДИАЛОГ ПЕРВЫЙ

*Машабей-Саде, 31 декабря 1982 года,
пятница, семь часов вечера.
Беседуют Хагар и Яэль Шило.*

Хагар Шило родилась в 1962 году в кибуце Машабей-Саде, находящемся в тридцати километрах к югу от Беэр-Шевы и основанном в 1949 году. Ее родители, Рони и Яэль Шило, попали в кибуц в 1956 году, во время службы в Нахале*. Рони Шило погиб на Голанских высотах в Шестидневной войне**, в последний день боев. Хагар было тогда пять лет, и потому ей можно вполне поверить, что об отце у нее сохранились воспоминания – хоть и отрывочные, но отчетливые.

Хагар училась в средней школе ближайшего городка, но не получила аттестат зрелости, так как не сдала два выпускных экзамена – английский и историю. В армию пошла в августе 1980 года и почти все время служила в отделе социальной помощи новобранцам на базе десантников южнее Хайфы. Поскольку база находилась

---

* Нахал – специальные части Армии обороны Израиля, где, получая военную подготовку, молодежь одновременно занимается сельским трудом, осваивая новые земли.

** Шестидневная война – война Израиля против армий Египта, Иордании и Сирии в июне 1967 г.

далеко от киббуца, то, получая увольнительную в середине недели, Хагар ездила в Тель-Авив и оставалась ночевать у бабушки Наоми, матери отца, к которой была очень привязана. Больше всего она любила расспрашивать Наоми о детстве отца.

Присутствие внучки, приносившей в дом жизнь, было приятно Наоми, и она уговаривала Хагар после демобилизации поступить в Тель-Авивский университет. И действительно, закончив службу, последние месяцы которой были весьма беспокойными из-за войны в Ливане*, начавшейся в июне 1982, Хагар – несмотря на возражения матери, считавшей, что перед университетом дочь должна хотя бы год поработать, как положено, в киббуце – убедила общее собрание отпустить ее учиться, тем более что обучение полностью оплачивалось Министерством обороны, помогавшим детям солдат, погибших на фронте. Хагар решила поступать на кинематографическое отделение факультета искусств Тель-Авивского университета, но поскольку у нее не было аттестата, ей предложили проучиться год на подготовительных курсах.

В начале декабря Наоми по настоянию сына, дяди Хагар, Бенциона Шило, ответственного сотрудника израильского консульства в Марселе, поехала к нему в гости, поскольку летом тому пришлось отказаться от отпуска на родине – Ливанская война взвалила на плечи дипломатов массу разъяснительной работы. Наоми не могла отказать единственному сыну – сорокалетнему холостяку, которого все еще надеялась женить. Она всегда считала, что именно в ее присутствии, скорее

---

* Война в Ливане – начавшаяся 6 июня 1982 г. операция по разгрому баз террористов на юге Ливана, названная «Мир Галилее». Израильские войска действовали в Ливане до июня 1985 г.

всего, завяжется какое-нибудь знакомство, и потому задержалась в Марселе, чтобы побывать на приеме, устроенном консульством по случаю Нового года.

Хагар, невысокая, быстрая и легкая в движениях, унаследовавшая от покойного отца каштановые волосы, пришла в восторг от мысли, что просторная и красиво убранная квартира бабушки будет полностью в ее распоряжении. Вначале она думала пригласить подружку, с которой познакомилась на подготовительных курсах, – девушку по имени Ирис, – пожить вместе с ней на бабушкиной квартире. Отец Ирис тоже погиб, только на Войне Судного дня*, и Ирис на редкость хорошо разбиралась во всех привилегиях, предоставляемых Министерством обороны детям павших. Но в конце концов Ирис не переехала, и надо сказать, для Хагар это оказалось к лучшему, потому что в начале декабря на бабушкиной квартире у нее начался роман со студентом-старшекурсником Эфраимом Мани, преподававшим иврит на подготовительных курсах. Роман начался очень бурно, но уже девятого декабря Эфраим ушел в армию, на ежегодные сборы резервистов, и его подразделение перебросили в Ливан, на западный участок, где все еще было беспокойно, несмотря на «мирный договор», заключенный между Иерусалимом и Бейрутом.

Яэль Шило (в девичестве Кремер) родилась в одном из пригородов Хайфы в 1936 году. Была активным членом молодежного движения «Маханот олим» и даже работала там инструктором. В 1952 году ее послали на год

---

* Война Судного дня (6–24 октября 1973 г.) началась внезапным нападением Египта и Сирии в Судный день (Иом-Киппур, *ивр.*) – день поста, покаяния и отпущения грехов, согласно еврейской традиции.

в кибуц Эй-н-Харод, из-за чего она не доучилась и не получила аттестата зрелости. В 1954 году Яэль присоединилась к группе «Реим», собиравшейся создать новое поселение, и в ее составе проходила подготовку в киббuce Кфар-Рош-ха-Никра. В группу, сложившуюся в основном из жителей пригородов Хайфы, вошли также воспитанники молодежного движения из Тель-Авива и Ришон-ле-Циона, среди которых был и будущий муж Яэль – Рони Шило, закончивший среднюю школу в Тель-Авиве. Они стали встречаться еще в Рош-ха-Никра. После того, как Рони прошел обучение в десантных войсках Нахала и летом 1956 года участвовал в двух военных операциях и, разумеется, в Синайской кампании*, Яэль и Рони вместе с товарищами по службе были направлены в кибуц Машабей-Саде.

Жизнь в южном киббuce пришлась им по душе, и, демобилизовавшись, они решили остаться там. В 1958 году Рони и Яэль поженились. Рони работал в поле, Яэль – на цитрусовых плантациях. В 1962 году, после поездки по Греции и осмотра ее достопримечательностей (экскурсия была организована Израильским географическим обществом), у них родилась дочь, которую они назвали Хагар – как символ того, что они пустили корни в пустыне**. Спустя четыре года, в 1966-м, родился еще один ребенок, но он умер через неделю от острой желтухи, вызванной несовместимостью групп крови матери и ребенка, чему в родильном отделении

---

* Синайская кампания – военная операция против египетской армии (октябрь – ноябрь 1956 г.), направленная на прорыв блокады Тиранского пролива, единственного выхода Израиля в Красное море.

** Хагар (Агарь) – в Библии: служанка Сарры, родившая Аврахаму (Аврааму) сына Ишмаэля (Исмаила) и изгнанная впоследствии вместе с сыном в пустыню.

беэр-шевской больницы не уделили должного внимания. На консилиуме было решено подготовиться к следующим родам как следует, но до этого не дошло, так как Рони погиб в конце Шестидневной войны в боях за Голанские высоты на шоссе Кунейтра – Дамаск.

Несмотря на уговоры родителей, в основном родителей Рони, бросить киббуц и вернуться в город, Яэль осталась с пятилетней дочкой в Машабей-Саде и даже еще прочнее связала себя с этим местом, хотя и знала, что шансы вновь выйти замуж в маленьком киббуце на краю света становятся год от года все слабее и слабее. Яэль по-прежнему работала на плантациях и даже стала главным специалистом по выращиванию авокадо. Во время Войны Судного дня, когда секретарь киббуца был надолго призван в армию, Яэль заменяла его, после чего несколько раз избиралась на эту должность, и все были ею довольны, хотя и находились те, кто упрекали ее в чрезмерной бескомпромиссности. Отношения с дочерью были близкими, но время от времени происходили срывы, и друзья неоднократно советовали Яэль пойти на курсы по проблемам воспитания и психологии ребенка, организуемые активистами киббуцного движения. Эти популярные курсы нравились ей, и она даже иногда ездила в Беэр-Шеву слушать лекции в университете, на отделении педагогики и психологии.

В 1980 году, хотя ей было уже почти сорок четыре года, Яэль согласилась пойти на вечер для незамужних и неженатых, также организованный киббуцным движением, но после этой попытки зареклась появляться на подобных вечерах навсегда.

Яэль опасалась, что, попав под влияние бабушки, ее свекрови Наоми, которая овдовела в середине семидесятых годов, Хагар уйдет в конце концов из киббуца.

Потому Яэль возражала против поступления дочери в университет сразу после армии, настаивая, чтобы она вернулась в киббуц и поработала там хотя бы год. Когда Хагар подала заявление с просьбой отпустить ее учиться, Яэль пыталась тайком настроить большинство «против». Но либерализм киббуцов в начале восьмидесятых годов во всем, что касается «самовыражения» молодежи, отслужившей в армии (попытка предотвратить бегство юношей и девушек в город), а также тот факт, что за обучение Хагар платит Министерство обороны, склонили общее собрание проголосовать не так, как хотелось бы Яэль. То обстоятельство, что Хагар жила у бабушки, позволяло им регулярно общаться по телефону, и мать с дочерью договорились звонить друг другу не менее двух раз в неделю, хотя в 1982 году в киббуце Машабей-Саде телефоны в жилые дома проведены еще не были.

Реплики Яэль в приведенном ниже диалоге опущены.

– Ну даже если и пропала, то ведь ненадолго, и нечего было так волноваться...

– Нет, я звонила, честное слово, звонила. В среду вечером из Иерусалима...

– Конечно, в среду я была еще в Иерусалиме, и вчера тоже...

– И вчера, мама, и сегодня, и просила, чтобы тебе передали...

– Как «не передали»?

– Я знаю? Того, кто поднял трубку...

– Какой-то доброволец из Германии...

– А что я могла сделать, мама? Я не виновата, что в киббуце нет ни одного нормального человека, который может поднять трубку в столовой после ужина, потому что никому не хочется бежать по холоду к телефону. Попробуй как-нибудь дозвониться до киббуца поздно вечером, да еще зимой, и говорить с другого конца света по-английски с подкуренным добровольцем, который забыл, как держат в руках карандаш, тогда ты, может, поймешь, что сражаться с таким упорством против установки домашних телефонов было с твоей стороны не самым разумным. Будто от этого зависит судьба социализма...

– Да куда я не пропадала... Просто меня не было три дня в Тель-Авиве...

– Он? Чего это вдруг? Он в армии, в Ливане. Но как раз по его просьбе я и ездила в Иерусалим, к его отцу, и там застряла до сегодняшнего дня.

– По собственной глупости...

– Нет, снег пошел в Иерусалиме в среду вечером, а вчера от него не осталось и следа...

– Нет, он-то и дал мне это старое пальто, отец Эфи, господин Мани...

– Так я называю его про себя – *господин Мани*... Не знаю почему...

– Но в этом-то все и дело. Ради того, чтобы рассказать тебе все, я и приехала сегодня домой. Хотя, конечно, нужно быть совсем сумасшедшей, чтобы сидеть здесь с тобой вместо того, чтобы закрыться у бабушки и готовиться к экзаменам.

– Я тебе говорила: в воскресенье у меня экзамен по английскому, и очень не хотелось бы опять провалиться...

– Нет, учебники и конспекты остались в Тель-Авиве. В Иерусалим я поехала во вторник, налегке. Думала на несколько часов – сделаю то, что Эфи просил, и обратно. А потом вдруг вижу – придется остаться, и осталась на три дня...

– Нет, не через Тель-Авив... Прямо из Иерусалима. Надумала в последнюю минуту. Стою я на автовокзале в Иерусалиме – людей уже стало меньше, – стою в очереди на тель-авивский автобус и вдруг вижу мужчину, такого рыжего, пожилого, лицо знакомое – из наших краев, кажется, и вдруг так захотелось домой – бросить все и скорее сюда, на наш чудесный необитаемый остров, посидеть с тобой, рассказать обо всем. Не могу

держат в себе, не помещается, надо скорее все выложить – как всегда, еще с детского сада. Помнишь, ребенок какой упадет или рисунок порвется, а меня уже распирает – готова целая история, надо тут же бежать искать тебя: «Мама, мама! Послушай, что случилось!..»

– Верно, ха-ха, мне всегда удавалось улизнуть и добраться до тебя. Я всегда находила... Как это ты говоришь?

– Точно, вот-вот – *случайно подвернувшихся отцов*, готовых всегда прийти мне на помощь, – и эта моя теория наверняка должна тебе понравиться – из чувства вины, что наш отец погиб, а они – нет, и потому они были так отзывчивы и передавали меня из рук в руки – из столовой в прачечную, из курятника в коровник, из конюшни на выпас, а оттуда на плантацию, и там среди деревьев была ты, мама, и я могла броситься к тебе и все рассказать. Так и сегодня, мама, стою я в Иерусалиме на полупустом автовокзале среди этих зимних меланхолических иерусалимцев, и вдруг отходит автобус на Беэр-Шеву, и этот рыжий сидит у окна и пялится на меня, наверное, тоже вспоминает, где меня видел. Тут я не выдержала, меня потянуло к тебе, я перепрыгнула через загородку, вскочила на ступеньку, и меня втянуло внутрь. Но завтра, мама, я должна вернуться пораньше в Тель-Авив и сесть за учебники, иначе мне и вправду конец. Надо выяснить, кто едет утром в том направлении. Если у тебя есть идеи на этот счет – скажи, а нет – подумай...

– Ладно...

– Минутку, подожди, не так сразу...

– Что – горит? Я еще не согрелась – внутри...

– Нет, горячая вода мне сейчас не поможет...

– Я бы, мама, только ты не сердись, обошлась бы без субботнего ужина в столовой...

– Неважно. Что-то же есть в холодильнике. Мне хватит, я совсем не голодная, честное слово.

– Ну если тебе так хочется есть и ты должна пойти, – иди. Я остаюсь здесь. Я искренне сожалею, но у меня не хватит терпения сидеть целый вечер в столовой и всем улыбаться... А потом еще новогодний бал... Все делают вид, что веселятся напропалую. И танцевать я не собираюсь – ему это может повредить...

– Ну хорошо, хорошо. Ты сходи. Раз надо... Иди, иди...

– Иди...

– Иди. Я уже жалею, что приперлась сюда вместо того, чтобы ехать прямо домой, то есть в Тель-Авив...

– Потому что я ехала не в киббуц, а домой, к тебе, мама, так хотелось поделиться...

– Никакой мистики... Не будь такой...

– Ну хорошо, может, немного и *мистично*... Может, ты как раз права, и это именно то слово: мистично... Что с того? Что плохого в мистике? Если человек, предположим, открывает дверь чужого дома и видит нечто такое, что приводит его в ужас, и у него перехватывает дыхание. Да, мама, дыхание перехватывает. Но мистичное, мама, не в том, что ужасает, уж если что-то ужасает, то оно должно быть реальным... Мистичность только в самой встрече, которая кажется случайной, но на самом деле совсем не случайна. Именно это и произошло со мной в Иерусалиме, хотя я знаю – ты мне, конечно, не поверишь...

– Потому что не поверишь... Тебя всю жизнь учили не верить в мистику, и ты уж, конечно, не поверишь, скажешь, что все это моя фантазия...

– Нет, в двух словах невозможно. В двух словах, мама, никак не расскажешь...

– Потому что, если в двух словах, то это и вправду будет выглядеть как фантазия...

– Знаешь что, мама? На самом деле все это неважно... Не стоит, чепуха... Иди ужинай, а я пока приму душ... Вся эта история не стоит выеденного яйца. И рассказывать тут нечего, я передумала... Только, пожалуйста, узнай, кто завтра едет с утра пораньше в сторону Тель-Авива и есть ли место в машине...

– Да, я действительно ничего тебе еще не рассказывала, но мне заранее известна твоя реакция...

– Извини...

– Хорошо, извини меня, мама...

– Я же уже извинилась...

– Нет, по-моему, тебе сейчас совсем не до моих историй...

– Ты уверена?

– А как же субботний ужин в столовой, который ты никогда не пропускаешь? Может, лучше все-таки сходишь?

– Ты уверена?

– Ну что ж, если ты так решила, то и вовсе забудь про это. Давай сядем тут тихонько, плотнее задернем шторы, чтобы ни капельки света не просочилось наружу, и позволь мне, пожалуйста, раз в жизни запереть дверь на ключ... Где он?

– Ну, пожалуйста, мама, только сегодня, отгородимся от внешнего мира, чтобы никто вообще не знал, что мы тут, чтобы не заходили и не мешали... А если еще поставим чайник... Так где же ключ?

– Нет, потом, потом, мама... Я слишком разгорячилась: скорей, скорей рассказать – мне нельзя сейчас в душ... Потом, потом... Дался тебе этот душ...

– Платье несвежее? Ничего страшного...

- Нет, никаких перемен...
- Ну, может, время от времени чуточку поташнивает...
- Нет, никаких других признаков...
- Ты все еще надеешься?
- Но почему? Я же сказала тебе: я с первой минуты знала, знала, что это окончательно и бесповоротно и его генетическая формула уже записана во мне...
- Ну этого существа... зародыша, младенца... называй как хочешь...
- Посчитай сама: последний раз – девятнадцатого ноября, значит, задержка уже две недели... Никаких сомнений...
- Теперь уж зачем мне врач? Что ему во мне ковыряться? Что он скажет? Кроме того, в Иерусалиме меня как бы смотрел врач...
- Терапевт...
- Сейчас услышишь...
- Сейчас, сейчас...
- Ну сейчас, мама, минутку терпения...
- Он сказал... Но еще...
- Нет, только беглый осмотр...
- Не обольщайся, мама, это никакой не психологический самообман, это беременность. Понимаешь? Беременность! Слишком долго тебе промывали мозги на твоих курсах психологии для киббуцников, теперь ты во всем видишь только «подсознательное»...
- Пока ничего... У меня есть еще время...
- Прежде всего пусть Эфи вернется из армии...
- Через десять дней... Хотя это зависит не только от него.
- Признает он отцовство или нет – не от меня зависит. Что я буду делать – не имеет отношения... Захочу, могу вполне рожать и без него...

– Потому, что Министерство обороны, как я тебе уже говорила, помогает и в таких случаях, даже если у ребенка нет отца... Да, да, как видишь, там относятся, по всей вероятности, либерально...

– По крайней мере, к этому, может, из чувства вины... Я знаю?..

– Мне рассказала Ирис, она выясняла...

– Ирис все знает, мама, она на этом собаку съела. Знаешь, она время от времени отправляется туда, берется за них и не уходит, пока не узнает все, что есть нового. Выясняется, что у детей погибших существуют десятки всяких прав и привилегий, о которых мы даже понятия не имели...

– Я знаю, что тебе этот разговор неприятен. Что ты хочешь, не я его заводила...

– Отвратительно? Ну, это ты преувеличиваешь. В каком смысле «отвратительно»?

– Я же у них пока ничего не просила, и ничего... Чего ты сразу заводись?

– И про это я расскажу, я же неспроста примчалась к тебе, а ты не даешь мне рта раскрыть...

– Нет, правда, такое впечатление, будто ты боишься услышать мой рассказ, ходишь вокруг да около, переводишь разговор на другое. С того дня, месяц назад, когда я сказала тебе по телефону, что спала с ним... то есть вообще спала с мужчиной... наконец, твое отношение ко мне словно дало трещину, ты стала – не знаю, как даже сказать – растерянной, потеряла точку опоры, упустила, причем навсегда, вожжи, которыми ты направляла своего жеребенка...

– Да, да, вожжи, пусть и такие мягкие...

– Мягкие и незаметные...

– Конечно, конечно...

– Опять ты сердишься? Я не за тем приехала, чтобы раздражать тебя, честное слово.

– Хорошо, допустим, напугал тебя не сам факт, а то, что мне нужно было срочно сообщить тебе об этом на следующее утро. Так что? Даже если я требовала позвать тебя к телефону с плантации, чтобы ты могла услышать об этом великом событии. Что с того? С тех пор ты стала даже переживать – то, что раньше забавляло тебя в моих рассказах, стало пугать, и я спрашиваю себя, стоит ли взваливать на тебя все; выкладывать все, что взбредет мне на ум, все, что происходит со мной и во мне; ничего не скрывать, как будто для нас все еще является законом то, что говорила та психологичка, которую прислало Министерство обороны, когда погиб отец... Помнишь, она объясняла тебе, что надо поощрять ребенка, как можно больше говорить, даже попусту, чтобы он мог высказать все, что у него на душе, чтобы, как это она выражалась, «не скопился гной в тайниках мысли», ха-ха. С тех пор, мама, я словно и вправду боюсь загноения мозга, и потому болтаю без умолку, а ты должна все выслушивать, потому что, если не ты, то кто?..

– Он? Это еще время покажет... Что я, по сути, знаю о нем? А сейчас, после Иерусалима, кажется, еще меньше...

– Может, и в двух словах, но говорила...

– Неужто не рассказывала, как через две недели после начала семестра нам вдруг сообщили, что два его ближайших урока не состоятся... А о нем я тебе говорила еще в самом начале семинара, когда ты расспрашивала о преподавателях, что он мне понравился сразу, с первой минуты, как только вошел в аудиторию. Стоит такой мальчик, почти нашего возраста, курчавый,

пылкий и даже трогательный, когда пытается убедить, что нам позарез нужны его уроки, на которых он учит, как правильно излагать свои мысли на иврите. Потому что были такие, которые даже обиделись, – зачем нам этот курс, да еще обязательный, будто мы какие-то недоразвитые... Когда нам сообщили, что занятий не будет, я решила сходить в деканат и узнать, что случилось, может, он заболел, тогда я бы его проведала. Там мне сказали, что всего-навсего бабушка его умерла в Иерусалиме, и он поехал, чтобы побыть немножко с отцом... Тогда... нет, не может быть, чтобы я тебе не рассказывала...

– Короче говоря, узнала я адрес его отца и в тот же день поехала в Иерусалим, как бы выразить соболезнование – я знаю? – от имени всего класса, хотя в университете класс это не то, что в школе, и ты можешь себе представить, как он был поражен, увидев в дверях студентку, которая не проучилась у него и месяца, имя которой он едва ли запомнил, и вдруг она является одна-одинешенька, чтобы выразить соболезнование, да еще по случаю смерти бабушки, да еще приезжает специально для этого в Иерусалим. Когда он немного пришел в себя, оправившись от изумления и замешательства, то быстро понял, что я хотела ему сказать: что соболезнование мое не столько соболезнование, сколько знак, такой маленький намек на возможности дальнейшего, а поскольку видно было, что он не привык к таким явным знакам внимания со стороны девушек...

– Потому, что он вовсе не красавчик. Парень как парень, если и есть в нем что-то, то это душа. Поэтому он быстро подхватил конец каната, который я ему бросила, и решил – после того, как я, не находя слов от

смущения, посидела немножко рядом с его отцом, который действительно выглядел очень подавленным, не так, как другие люди в годах, которые чаще всего, потеряв родителей, чувствуют прилив сил, – решил вернуться в Тель-Авив в тот же вечер, вместе со мной. По дороге в автобусе мы разговорились, сначала он выпросил все обо мне, о моих планах, о киббуце и о том, как живет в Негеве, а потом, увидев, что я говорю обо всем прямо и открыто, сам немного оттаял и стал рассказывать о себе – в первую очередь о бабушке, которая умерла и которую он очень любил, потом об отце, и меня тронуло, что он тревожится за него, потому что отец был очень привязан к своей матери, к этой самой бабушке, практически никогда не расставался с ней с детских лет и это она спасла его в конце войны.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА